«УТВЕРЖДАЮ»

Ректор
Тверского государственного
университета
_____А.В. Белоцерковский
«14» ноября 2014 г.

ОТЗЫВ

ведущей организации - Тверского государственного университета - о диссертации Комарова Константина Марковича «ТЕКСТУАЛИЗАЦИЯ ТЕЛЕСНОСТИ В ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННЫХ ПОЭМАХ В. МАЯКОВСКОГО», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература.

Категория телесности с началом XXI века всё более привлекает пристальное исследовательское внимание специалистов в самых разных областях гуманитарной науки – философов, филологов, социологов, историков, искусствоведов и культурологов и т.д. Различные дискурсивные практики, связанные с телесностью, функционирование телесных компонентов в социуме и в искусстве, семиотические, онтологические и иные аспекты воплотимости телесности в текстуальную ткань художественного произведения – эти и многие другие проблемы оказываются в центре современной гуманитарной мысли.

Становится очевидным и тот факт, что творчество канонизированного при советской власти и свергнутого с пьедестала в постсоветское время Владимира Маяковского, нуждается в новом – объективном и внимательном прочтении с самых разных сторон. В первую очередь, это относится, может быть, к послереволюционным произведениям поэта, интерпретация которых и до сих пор, зачастую, находится в плену имеющих откровенно идеологический оттенок штампов и клише, а с другой стороны, подвержена далеко не всегда убедительной, обоснованной и справедливой «деконструкции». При этом проблематика телесного бытия вещи, знака и т.д. в творчестве Маяковского, отличающемся сгущенной предметностью и энергетикой физиологического свойства, оказывается во многих отношениях «ядерной» и ключевой для уяснения специфики «лица необщего выражения» поэта.

Таким образом, тематика и проблематика диссертационной работы К. М. Комарова, представляется весьма актуальной, как в теоретико-литературном, так и в историко-литературном отношении.

Данная диссертационная работа является весомым научным исследованием, отличающимся исследовательской новизной, глубиной аналитического проникновения в материал, композиционной сбалансированностью, неортодоксальностью методологического подхода (сочетающего традиционные литературоведческие методы с локальными аналитическими методиками, привлечение которых выглядит обоснованным и оправданным), логичностью и строгостью изложения, высокой степенью заинтересованности автора изучаемой проблематикой, соответствием

стандартам современной филологической науки. Работа соединяет в себе теоретичность, блестящее владение материалом и тонкое чутье поэтической телесности Маяковского. В диссертации затронут широкий ряд вопросов, многие из которых выходят за пределы творчества Маяковского и обращаются к специфике телесности как организующего, структурообразующего начала поэтического текста. Прекрасное знание материала, учет научных наработок, существующих в изучаемой проблемной сфере, позволяет автору на основе последовательного многоаспектного и объемного анализа конкретных произведений Маяковского делать убедительные выводы и обобщения. Смысловая обширность категории телесности провоцирует диссертанта на поиск синтетической, сочетающей многообразные аспекты, а также способы интерпретации точки зрения, которую автору удается сформировать, благодаря чему стержневой тезис работы о том, что «телесность … становится инструментом, формирующим индивидуальное художественное миропонимание и мироощущение и, в конце концов, определяющим фундаментальные онтологические и антропологические основания поэтического мира Маяковского» (с. 6) оказывается убедительным и способным выдержать критическую верификацию.

К.М. Комарову удалось в самых разных ракурсах показать, что «образы, мотивы, приемы, связанные с телесным бытием человека, используются Маяковским как для активной семантизации и семиотизации индивидуальных телесных импульсов автора и лирического субъекта, так и для концептуализации и мифологизации значимых социальных и эстетических концептов и идеологем, воспринимавшихся Маяковским не абстрактно, а в качестве органических носителей живых, заряженных физической энергией импульсов к глобальному пересозданию вселенной, для материализации невещественной революционной риторики в плотные и конкретные образы» (с. 204).

Отличительной чертой и несомненным достоинством работы является пристальное внимание ее автора к творческой личности Маяковского (представленной во всех своих интегральных параметрах) и к механизмам ее преломления в произведениях поэта, многогранной текстуализации его психосоматических, поведенческих и характерологических особенностей, находящихся в непосредственной связи с биографическими и жизнетворческими стратегиями поэта, с важными для него эстетическими, социальными и культурными конструктами. Особенно показателен в этом смысле третий параграф первой главы «Авторская телесность Владимира Маяковского в аспекте ее текстуализации», представляющий собой наглядный образец анализа участия телесных практик поэта в формировании его эстетических взглядов и установок. Диссертанта интересует трудноуловимый процесс семиотизации и онтологизации телесного начала в рамках поэтического произведения, проблематика перехода «внутреннего человека» во «внешнюю речь», неизбежно сопряженная у Маяковского с энергоемкими физическими и физиологическими потенциями художественного слова, чутко уловленными и описанными автором в их конструктивной конкретике.

Творческая индивидуальность Маяковского осмыслена автором в заданном проблемном ракурсе с позиции специфической внутренней целостности его произведений, представленных как концептуальные эстетические единства, своеобразные «слепки» творческой индивидуальности поэта, в которых внутреннее и внешнее, вещное и вечное, предметное и идеальное переплетены сетью сложных взаимосвязей. При этом диапазон аспектов проявления телесного начала в анализируемых текстах весьма широк: здесь и авторская психосоматика, и телесная (а также околотелесная) образность и метафорика, и семиозис тела и т.д.

Теоретико-методологическая основательность работы базируется на хорошо продуманной теоретической главе, в которой с разных позиций обосновывается междисциплинарная и универсальная категория телесности, осмысляется специфика ее проявления в разнообразных дискурсивных практиках. Диссертационный анализ находится в русле современных литературоведческих стратегий подхода к телесности (во всем многообразии ее составляющих), связанных «с проблемой материальности языка, перехода телесных практик автора в создаваемый им текст, отелеснивания текстуального события» (с. 37). Рассматривая различные концепции телесности как носителя и выразителя субъективных смыслов диссертант формирует собственный комплексный подход к телесности, как к «образно-концептуальной системе, учитывающей многоуровневость символического содержания тела» (с. 25). Далее, логичным образом, эти общие положения проецируются на контекст теоретико-эстетический русской поэзии Серебряного века, в рамках которой формировалась и вызревала эстетика Маяковского. Особое внимание уделяется здесь роли телесности в эстетике и поэтике русского футуризма.

Вторая и третья главы работы, посвящены последовательному хронологическому анализу поэм Маяковского. Хронологичность важна, ибо позволяет показать эволюцию способов и приемов текстуализации телесности в послеоктябрьских произведениях – от определенного схематизма и аллегоризма первых поэм до изощренной полифонии поэмы «Хорошо» и вывода проблемы телесности на экзистенциальный уровень в «Во весь голос» и «Неоконченном». В этих основных главах выделяются основные парадигмы телесных образов у Маяковского, характеризуются разнообразные варианты и модели перевода «тела» в текст, опосредования идейного содержания произведения самой его физиологизированной текстурой. При этом телесность в авторском понимании далеко не исчерпывается лишь физической стороной организма, но вбирает в себя и биосоциальные, и социокультурные, и онтологические, и антропологические аспекты и коннотации. В конце концов автору удается показать конструктивную значимость категории «телесности» для поэтики послереволюционного Маяковского и ее мощный потенциал в процессе «кодирования» действительности в художественные «шифры».

Ценные частные наблюдения, сравнения и выкладки приводятся в многочисленных содержательных сносках, которые временами выглядят (и это характерная черта современного научного мышления) едва ли не интересней и значительней основного текста.

Наряду с объективными достоинствами диссертации, её безусловной актуальностью, научно-исследовательской и практической ценностью нельзя не отметить ряд некоторых недочетов данного диссертационного исследования.

Прежде всего, в работе наблюдается некий смысловой разрыв между теорией и практической частью. Некоторые из положений теоретической главы не находят себе применения (или находят недостаточное или необязательное применение) в главах практического анализа. Таким образом, теория и практика в работе коррелируют друг с другом не столь тесно, как это подразумевает научный труд, и в определенном смысле находятся в смысловой и композиционной «изоляции». Впрочем, в целом оговорку автора на с. 20 («подробное внимание к теоретическим аспектам обусловлено решаемыми задачами практической части данной диссертационной работы») можно принять: в работе немало смысловых «рифм-смычек» между теоретическими концепциями и практическим анализом (так, например, замечания о гротескной телесности у Маяковского отсылают к концепции «гротескного тела» М. Бахтина, телесность пограничных состояний к «пороговому телу» в интерпретации В. Подороги, а рассмотрение «лихорадочной» телесности к «кон-

вульсивной телесности» М. Ямпольского), однако, хотелось бы более четкой в общекомпозиционном плане прописанности этих моментов. Невыявленность этих логических «мостов» не идет на пользу общей монолитности работы, внося в нее элементы аморфности и отрывочности.

В работе широко (даже, возможно, избыточно подробно) учитывается контекст творчества самого Маяковского, постоянны авторские отсылки к ранним произведениям поэта, не являющимся основным объектом исследования, но необходимым для уяснения генезиса формирования смыслового поля «телесности» в послеоктябрьском творчестве поэта. При этом практически не учтен контекст поэзии 1920-х годов, творчество таких, работавших в одно время с Маяковским поэтов, как М. Цветаева, О. Мандельштам, В. Нарбут, М. Зенкевич, Э. Багрицкий и других, для многих из которых телесность была важной составляющей художественного мира, центральным компонентом эстетики. В сопоставлении с поэтами-современниками проблематика текстуализации телесности в диссертационной работе могла бы быть высвечена ярче, глубже и тоньше. Автор же в этом плане более или менее подробно останавливается лишь на двух стихотворениях (В. Хлебникова и А. Крученых), чего явно недостаточно. Здесь же отметим, что автором более или менее затронут вопрос о традициях, на которые опирался Маяковский в плане текстуализации телесности, однако, о продолжателях выработанных поэтом способов поэтической работы с телесностью в поэзии XX века сказано чрезвычайно мало.

Упомянутая выше избыточная сосредоточенность исключительно на фигуре Маяковского проявляется, в частности, в ряде немотивированных авторских самоповторов, когда одни и те же тезисы проговариваются несколько раз без концептуального приращения смысла, что вызывает ощущения «холостой прокрутки», ненужного торможения исследовательской мысли, на протяжении большей части работы развертывающейся стремительно и продуктивно. Утяжеляют работу и лишние цитаты из текстов Маяковского: не единожды встречаются в тексте примеры, когда тот или иной тезис иллюстрируется неоправданно обширным цитатным материалом.

Еще одной претензией к работе может служить тот факт, что в ней недостаточно четко терминологически определено понятие «коллективной телесности». «Коллективная телесность» не вполне отграничена от «коллективного» вообще, от общей идеологии и эстетики коллективизма, свойственной советской культуре 1920-х годов. В целом удачным попыткам автора аналитически описать коллективную телесность как категорию, репрезентирующую коллективное начало как таковое в его драматическом (а в случае Маяковского – трагическом) взаимодействии с началом индивидуальным («Но я себя смирял, становясь на горло собственной песне») не хватает конкретики и нюансировки, которую могла бы дать более внимательная работа с трудами и концепциями известных философов и социологов (например, явно в недостаточной степени учтены работы Б. Гройса и М. Рыклина, их размышления о «теле террора», контекст литературно-критической полемики 1920-х годов об изображении коллективного и частного в художественном творчестве и т.п.).

Другой, связанный с вышеуказанным замечанием, недочет работы состоит в том, что в ней практически не развивается важная проблема роли элементов соцреализма в эстетике и поэтике послереволюционного Маяковского. Эта неоднозначная проблема не может быть проигнорирована в силу того, что «коллективность» как таковая была ядерным элементом соцреалистической эстетики, которая не могла так или иначе не учитываться Маяковским при создании его послеоктябрьских поэм. Довольно подробно останавливаясь на модернистских и авангардных чертах,

перешедших в послеоктябрьское творчество поэта из раннего, рассматривая Маяковского в качестве поэта, по словам А. Жолковского, «завещанного нам авангардом», автор лишь опосредованно касается таких вопросов, как проявление лефовских идейных установок Маяковского в его творческой практике, синтетизм художественного метода (учитывающего и классицизм, и экспрессионизм, и даже конструктивизм) романтизации и идеализации советской действительности в его поэмах, а также своеобразный лиризм поэта при художественном воплощении проектирования нового будущего, специфика утопизма и антиутопизма Маяковского в контексте зарождающегося в 20-е годы метода социалистического реализма, первым поэтом которого Маяковского (и небезосновательно) считали некоторые исследователи (например, Л. Булавка), сочетание авангардного полифонизма и соцреалистической монологичности, фактографического и ирреального, императивности и лиризма, эстетического и идеологического начал и т.д. Между тем, без учета этого круга вопросов (некоторые из них затронуты в работе, но не развернуты полновесно), как нам кажется, нельзя в полной мере осознать место Маяковского в литературе 1920-х годов в заявленном проблемном ракурсе.

Некоторая непроясненность наблюдается и в плане соотношения «эпического» и «лирического» начал в поэмах Маяковского. Автор отстаивает тезис о поэмоцентризме Маяковского, однако, не особо последовательно употребляет понятия «эпического», «лирического» и «лироэпического» при характеристике анализируемых произведений, следствием чего становится определенная путаница в плане внутрижанрового разграничения поэм. Говоря о «лирической» или «эпической» доминанте той или иной поэмы, автор далеко не всегда конкретизирует эти тезисы. В связи с этим несколько «провисает» немаловажный вопрос о «лирически-индивидуальном» или же «эпически-коллективном» телесном начале именно в жанровой структуре того или иного произведения.

Наконец, еще одна, сквозная для работы, оппозиция кажется не совсем отрефлексированной. Это оппозиция «тела» и «духа», телесного и духовного начала. В теоретической части работы не вполне отчетливо прописано авторское понимание этих сфер, общефилософские основания их разграничения достаточно поверхностны и абстрактны, что приводит далее к некой путанице при анализе конкретных поэм Маяковского, не всегда оказывается понятно, что именно, какие внутренние реакции и переживания и на каком основании автор включает в сферу «духовного» у Маяковского, чем эта сфера отличается, например, от «душевного».

Возникшие замечания не меняют представления о рецензируемой работе как высококвалифицированной. Она радует изящностью мысли, убедительностью аргументации, серьезностью научных выкладок. Общий смысловой каркас диссертации продуман, вследствие чего работа выглядит цельной. Исследовательский сюжет ее одновременно выверен, рельефен, нагляден и увлекателен, способен захватить читателя. Можно предположить, что из нее могла бы получиться оригинальная и нужная для науки монография. Чтение диссертации убеждает в таких качествах диссертанта, как гибкость и динамичность мысли, способность к внятному ее изложению, широкая и глубокая эрудиция, самобытность исследовательского взгляда. Удачно поставленные исследовательские ориентиры в сочетании с многосторонней, заинтересованной и глубокой проработкой материала позволили К.М. Комарову прийти к важным и продуктивным выводам и полноценно решить заявленные цели и задачи.

Следует отметить, что высказанные замечания нисколько не умаляют безусловную ценность работы, которая вносит существенный вклад в современную

науку о Маяковском. Скорее здесь выражены надежды на продолжение исследований К.М. Комарова в избранном направлении.

Обращают на себя внимание зрелость суждений, логически выверенные построения и аргументированные доказательства, хорошая теоретическая база исследования, превосходное знание фактического материала. Теоретическая значимость исследования состоит в том, что в нем уточняются, развиваются и апробируются современные литературоведческие стратегии в изучении телесности, а тем самым и в изучении поэтики и эстетики русского футуризма в целом. Практическое значение диссертации заключается в возможности использования его результатов в курсах лекций по истории русской литературы Серебряного века, при подготовке спецкурсов и спецсеминаров по творчеству В. Маяковского. Результаты диссертационного исследования прошли хорошую апробацию на научных конференциях, отражены в автореферате и многочисленных солидных публикациях соискателя.

Диссертационное исследование К.М. Комарова отвечает требованиям п.9 действующего Положения о порядке присуждения ученых степеней ВАК РФ. Публикации соискателя и автореферат вполне отражают основное содержание и теоретические положения работы. За диссертацию «Текстуализация телесности в послереволюционных поэмах В. Маяковского» К.М. Комаров несомненно заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 - русская литература.

Отзыв подготовлен доктором филологических наук, профессором кафедры филологических основ издательского дела и литературного творчества Светланой Юрьевной Николаевой, единогласно утвержден на заседании кафедры филологических основ издательского дела и литературного творчества филологического факультета Тверского государственного университета 6 ноября 2014 г. (протокол № 3).

Зав. кафедрой филологических основ
издательского дела и литературного творчества
филологического факультета
Тверского государственного университета
доктор филологических наук, профессор Валерий Александрович Редькин

Рецензент
доктор филологических наук, профессор
кафедры филологических основ
издательского дела и литературного творчества
филологического факультета
Тверского государственного университета
Специальность по диплому доктора наук –
10.01.01 – Русская литература (диплом ДК № 009506)
Звание профессора – по кафедре
истории русской литературы (диплом ПР № 011239)
Адрес: 170100 Тверь, ул. Желябова, д.33.
e-mail: synikolaeva@rambler.ru Светлана Юрьевна Николаева

ОБЩИЙ ОТДЕЛ